

ЛИНЕЙНЫЙ ПРИНЦИП СОГЛАСОВАНИЯ В ПРЕДЕЛАХ ПРЕДИКАТИВНОЙ ЕДИНИЦЫ

Статья посвящена новому явлению в современном русском языке – линейному принципу согласования в границах предикативной единицы, на наших глазах сменяющему структурный принцип, действующий в одной из самых консервативных конструкций русского языка – субстантивно-адъективном словосочетании.

Ключевые слова: согласование, падеж, инновации в языке, линейные отношения в языке.

Л. Теньер определил основную функцию грамматического согласования как механизм, позволяющий преодолеть ограничения, накладываемые линейностью речевой цепи на реализацию многомерных иерархических структурных связей в предложении [1988. С. 31].

Однако за пределами предикативной единицы (в дальнейшем – ПЕ), внутри которой согласование действительно следует структурно-иерархическому принципу «зависимый компонент согласуется с главным», действует линейный принцип, согласно которому последующий компонент согласуется с предшествующим. Это хорошо видно на примере согласования в роде и числе анафорического местоимения с замещаемым существительным, именной группой или другим местоимением (антецедентом). Для относительных местоимений этот принцип действует уже внутри сложного предложения, в котором они обязательно следуют за антецедентом, например: *К концу чтения появились слезы (мн. ч.), которые (мн. ч.) текли и расплзлись по моим щекам* (А. Лиханов. *Драматическая педагогика*). Считается, что аналогично ведет себя и местоимение *он*, например: *Написано про Эйзенштейна (м. р., ед. ч.) много, вероятно, написано будет еще больше. Но, пожалуй, вот того, что я собираюсь рассказать, об*

нем (м. р., ед. ч.) *не напишут* (М. Ромм. *Устные рассказы*).

Однако в последнее время (особенно наглядна эта тенденция в английском языке) даже за пределами ПЕ анафорическое местоимение может предшествовать антецеденту (в данном случае именуемому постцедентом), например: *That he was clever was said by John*.

Это явление в теоретическом аспекте было определено гораздо раньше и связано с именем К. Бюлера [1993. С. 112], а тенденция к смене порядка следования антецедента и анафорического местоимения проанализирована в традиции трансформационной грамматики Т. Рейнхарт [Reinhart, 1983] и с позиций функционального подхода С. Куно [Kuno, 1972; 1976; 1987]. Катафора (другие названия: антецедентное замещение [Откупщикова, 1984], пролеписис [Ахманова, 1966], эпифора [Смирнова, 1972; Откупщикова, 1984]) – «предваряющее» (М. И. Откупщикова) местоименное замещение. Катафора формирует ожидания слушающего в том, какого рода информация пойдет далее в тексте. Эту функцию местоимений при катафоре М. И. Откупщикова именуется функцией предсказания смысла [1984. С. 24].

Средствами катафоры выступают те же местоимения, что и средствами анафоры.

Наиболее свободно катафорически употребляются местоимения при замещении ПЕ. Именное замещение обычно не выполняет функции переноса содержания из одного фрагмента текста в другой. Так, опережающая анафора – средство актуального членения высказывания, повышающее коммуникативный статус темы, например: *Теперь ОН умер, мой отец* (А. Аверченко. Отец).

Другие случаи порядка «анафорическое местоимение – антецедент» часто рассматриваются как инверсия анафоры под влиянием определенных факторов.

Наиболее распространена в русском языке инверсия анафоры под влиянием порядка частей синтаксической конструкции. При препозиции зависимой ПЕ в сложном предложении возможен, а при препозиции полупредикативного оборота обязателен инвертированный порядок следования антецедента и местоимения, например: *Сквозь этот крошечный ад, где все ее пугало и отталкивало, девочка вела ошеломленного старика и Взяв принадлежащие ему вещи, Иван вышел* (оба примера – М. И. Откупщиковой). Если в первом высказывании перестановка антецедента и местоимения не влияет на сохранение анафорического отношения, то во втором высказывании она приводит к его отсутствию.

Можно заметить, что линейный принцип анафоры в этих конструкциях нарушается, но его сменяет структурный принцип: анафорическое местоимение отсылает из подчиненного синтаксического компонента в подчиняющий.

В русском языке рубежа XX–XXI вв. наблюдается обратная тенденция – проникновение линейного принципа согласования в пределы ПЕ. Причем охватывает она не отношения кореферентности, а сердце согласовательной связи – согласование атрибутивных форм прилагательного в функции определения с доминирующим существительным.

Чтобы обнаружить эту тенденцию, обратимся к природе механизма согласования. Согласование есть уподобление зависимого слова главному в категориях числа, рода (в ед. ч.) и падежа (личные формы глагола уподобляются подлежащему в числе и лице). Однако выявить направление связи оказывается непросто. Во-первых, если два слова представлены аналогичными по значению формами этих категорий, то это мо-

жет быть и случайным совпадением, и самостоятельным подчинением обоих слов какому-то третьему слову, что говорит об отсутствии согласования как синтаксической связи, например: *Всю ночь* (В. п.) *я учил роль* (В. п.). Во-вторых, даже если связь наличествует, неочевидно, какое из слов является в паре главным, как, например, в связи приложения. В этом смысле направление связи в сочетании прилагательного и существительного кажется вполне очевидным, поскольку прилагательное изменяется по **роду**, а существительное не изменяется, при этом согласованное прилагательное принимает то же значение рода, что и существительное.

В отношении категории **падежа** нет такой очевидности. Существительное и прилагательное изменяются по падежам. Однако и у того и у другого есть некоторое количество омонимичных падежных форм. Причем у прилагательного состав омонимичных форм не совпадает с составом омонимичных форм существительных во множественном числе, а также в единственном числе в зависимости от типа склонения существительного. Сопоставление состава омонимичных падежных форм обнаруживает небольшую зону расхождения в омонимии падежей: в женском роде у существительных 1-го склонения нет омонимии родительного – дательного-местного – творительного падежей, которая наблюдается у прилагательных, *красной палатки / палатке / палаткой*, у существительных 3-го склонения не наблюдается омонимии творительного – родительного-дательного-местного падежей, например: *поздней осени / осенью*, а во множественном числе у всех существительных нет омонимии родительного – местного падежей, например: *красных рубах-платков-шалей / рубахах-платках-шалах*. Это значит, что пара падежей «родительный – местный» у всех существительных во множественном числе, тройка «родительный – дательный-местный – творительный» у существительных 1-го склонения и пара «родительный-дательный-местный – творительный» у существительных 3-го склонения в единственном числе являются зоной, в которой существительное рискует принять другую падежную форму, если будет ориентироваться на внешний вид формы прилагательного, а не на требования управляющего слова.

Таким образом, нам удалось исчислить все возможные зоны смешения падежных форм существительного, которые могут свидетельствовать о нарушении привычного структурного принципа согласования.

М. Я. Гловинская описала многочисленные факты смешения во множественном числе родительного и местного падежей [Гловинская, 2000]. Дополним ее примеры собственными данными: *Костылев, конечно, о себе выше мнением, чем о своих* (Р.-М. п.) *обитателей* (Р. п. вместо М. п.; ученица 11-го класса, сочинение, 2004 г.); *В начале 90-х годов; в предшествующих текстах* (аспирант-лингвист, научный доклад, 2003 г.).

Приведем также факты смешения падежей существительного в единственном числе. Часть смешений может быть объяснена аналогическим влиянием фонемно-графического состава флексии прилагательного, другие граничат с орфографической ошибкой, могут быть и иные конкретные факторы смешения. Однако круг омонимичных значений формы прилагательного накладывает ограничение на использование падежной формы существительного.

1. Родительный – дательный-местный: *В игре нашей команде* (Россия-Спорт. 06.09.2007);

2. Родительный – творительный: *Произвольная смена точки отсчета, не мотивированная появлением конкурирующей ситуации, претендующей на роль прагматической, как правило, связана с прагматическими или когнитивными эффектами* (учебное пособие по морфологии современного русского языка, 2008); *С учетом зимней добавкой* (Афонтово. 02.12.2007); *Создание типологии языковой личности является одной из наиболее значимых задач современной антропоцентрической лингвистикой* (курсовая работа).

3. Дательный – родительный: *подключение прибалтийских государств к интегрированной системы* (исправился: *системе*)... (чиновник МИД, Сегодня. НТВ. 29.03.2004); *по наивысшей суммы баллов* (1 канал. 08.12.2007).

4. Местный – родительный: *В этой книге Ю. Д. Апресян дает описание семантики русского глагола на основе его синтаксических свойств, под которыми понимаются характерные для глаголов типы управления*

и трансформаций, допускаемые глагольными фразами (Студент-филолог. Курс. работа); *Депутаты, по десять лет отсидевшие в Государственной думы* (РТР. 29.11.2007).

5. Творительный – родительный-дательный-местный: *Исследование «мы»-псевдоинклюзивного обнаруживает связь сопричастности с тропом, именуемым синекдохой, той его разновидности, которая характеризуется как totum pro parte 'целое вместо части'* (Монография, черновик); *Наши солдаты и офицеры, ошеломленные причиненной вам боли* (диктор НТВ. 15.04.2004).

Обратим внимание на то, что чаще всего смешение идет в сторону формы родительного падежа, при этом флексия часто оказывается безударной, т. е. на месте флексии обнаруживается редуцированный гласный.

Механизм линейного согласования в данном случае состоит в том, что выбор падежа при сочетании прилагательного с существительным перестает полностью зависеть от требований, предъявляемых доминирующей синтаксической конструкцией к существительному: ответственность за выбор падежа распределяется между обоими членами адъективно-субстантивной группы, при этом решающая роль принадлежит тому члену сочетания, который появляется в высказывании линейно первым. Если прилагательное находится в препозиции, оно принимает форму, соответствующую требованиям конструкции, а падеж существительного «отмеряется» от падежа прилагательного и при омонимии форм падежа прилагательного случайным образом принимает значение «родительный» или «местный»; «родительный-дательный-местный» или «творительный»; «родительный», «творительный» или «дательный-местный». Если же в препозиции находится существительное, что бывает гораздо реже, то уже прилагательному приходится «приспосабливаться» к неомонимичной падежной форме существительного. И в этом случае, как показывает материал М. Я. Гловинской, ослабление субстантивного падежа приводит к другому явлению в падежном согласовании – рассогласованию адъективной формы, как правило, причастия [2000. С. 273–275].

Линейный механизм согласования распространяется даже на категорию **числа**, например: *Во всяком речевом акте выска-*

звания различается три разных актов, осуществляемых говорящим (черновик дипломного сочинения; ед. – мн. ч.).

Наблюдаются также факты смешения падежей, вызванного линейным согласованием существительного с **предшествующим существительным**, например: *В тайниках колумбийской столицы[ь]* (архифонема <ы/е>) *Боготе* (Еuronews. 22.06.2007; родительный – дательный-местный); ...*Об уважаемой мной певице[ь]* (архифонема <ы/е>) *Надежды Бабкиной* (Рен-ТВ. 01.09.2007; дательный – родительный); *В год своего 100-летия российское кино предлагает Рогожкина... Оксаны Бычковой* (телепередача; винительный одушевленных существительных – родительный); *Диссертационное сочинение включает в себя три содержательные главы, из которых первая посвящена теоретическому освещению семантики неконтролируемости, во второй главе рассматривается отношение неконтролируемости к основным грамматическим категориям глагола: виду, времени и наклонения* (черновик диссертации; дательный – родительный). В данном случае наблюдается смешение, вызванное не только полноценной омонимией падежных форм предшествующего существительного, но и омофонией, которая вызвана нейтрализацией гласных флексии разных падежей в позиции после *ц*.

Мы можем переосмыслить некоторые факты **предложного управления**, связанные с заменой падежной формы при предлоге. Нормативный аспект таких замен очевиден, но важно и теоретическое их осмысление. Приведу вдобавок к типичным фактам замены падежа (например, колебание «винительный – местный», граничащее с орфографической ошибкой: *В избежании травматизма – убедительная просьба во время движения транспорта держаться за поручни!* (Красноярск. Автобус 21-го маршрута. 12.02.2007)), пример, когда значение падежа явно противоречит контексту: *Разведку акватории сейчас будут вести с воздухом* (Вести Россия. 18.11.2007; родительный – творительный). Предлог *с* сочетается с родительным, творительным и винительным падежом в абсолютно разных значениях. Замена падежа в этом случае означает ослабление контроля говорящего над па-

дежной формой, автоматическое сцепление последующего существительного с предлогом, сохраняющее потенциал сочетаемости предлога, но не учитывающее валентности доминирующих слов. Таким образом, управляющим в предложении оказывается не предикат (*будут вести разведку*), а предлог, линейно непосредственно предшествующий существительному. Действует линейный механизм, аналогичный механизму линейного падежного согласования.

Итак, в настоящий период на фоне отмеченного М. Я. Гловинской ослабления падежа существительного наблюдается уникальная тенденция во взаимодействии существительного с доминирующими над ним, зависимыми от него и стоящими слева от него словами: вместо структурно-иерархической доминанции управляющих слов над существительным и существительного над зависимыми словами мы обнаруживаем факты подчинения существительного предшествующему слову: согласования в падеже с зависимым прилагательным или соположенным существительным или управления со стороны предлога.

Список литературы

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 608 с.
- Бюлер К. Теория языка: репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993. 501 с.
- Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 237–304.
- Откупщикова М. И. Местоимения современного русского языка в структурно-семантическом аспекте: Учеб. пособие / Ленингр. гос. ун-т. Л., 1984. 87 с.
- Смирнова Л. Н. Анафорические связи в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. 16 с.
- Теньер Л. Основы структурного синтаксиса: Пер. с фр. / Вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
- Kuno S. Pronominalization, Reflexivization and Direct Discourse // Linguistic Inquiry. 1972. Vol. 3. No. 2.

Kuno S. Three Perspectives in the Functional Approach to Syntax // Sound, Sign and Language. Ann Arbor, 1976. P. 119–190.

Kuno S. Functional Syntax: Anaphora, Discourse and Empathy. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1987. 320 p.

Reinhart T. Anaphora and Semantic Interpretation. L.; Canberra, 1983. 223 p.

Материал поступил в редколлегию 26.02.2012

I. E. Kim

PRECEDE-AND-COMMAND PRINCIPLE IN THE RUSSIAN ADJECTIVE-NOUN PHRASE

The paper discusses a new phenomenon in the Modern Russian – precede-and-command principle of agreement in the simple sentence. This principle operates in one of the most conservative syntactic structures in the Russian language – adjective-noun phrase.

Keywords: precede-and-command principle of agreement, the case, innovation in the language.